

Мне, признаться, жаль те "Комплексные экспедиции", которые проводились до войны. Совместная работа ученых разной специальности зачастую дает очень много нового для всех отраслей знания.

Музеи конца 20-х годов

Конечно, главными музеями геолого-минералогического профиля в те годы я бы поставил три музея: Минералогический музей АН СССР, созданный В. И. Вернадским, его активными помощниками были А. Е. Ферсман и Владимир Ильич Крижановский; второй музей – старейший в нашей стране – Музей Ленинградского горного института и третий – Музей геологического комитета на Среднем проспекте Васильевского острова.

Каждый из этих трех музеев имел в те годы свою специфику, свое лицо, отражавшее не только и не столько интересы и стиль организаторов музея, но гораздо более – интересы той эпохи, в которую музей создавался.

Для минералогической части старейшего в России Музея горного института весьма характерны были его витрины на узорных ножках, белье, полированные, отделанные золотом. И еще остался в памяти один образец, являющийся образцом великого бескультиурья – это образец кварцевой жемчужины из Бразилии. Размер этой жемчужины метра полтора с прекрасными, чистой воды кристаллами кварца, вытянутыми по оси "С". Но все кристаллы ... тщателью полированы. Мои друзья студенты-горняки, водившие меня по музею, рассказывали музейную легенду. Когда Великая Императрица посетила Горный музей, она с огромным интересом осмотрела эту дружз и соизволила высказаться: "Какие прекрасные чистенькие кристаллы, но какой ужас, у них грани неровные и они не блестят, так как могли бы! Я отдам приказ на гранильную фабрику, чтобы эти кристаллы отполировали за мой счет, тогда они будут еще прекраснее". Музейное начальство было настолько глупо и бесильно, что не могло отстоять прекрасный образец. Каждый кристалл из дружз был вырезан, отполирован и приклеен на прежнее место. Надо сказать, приклейка сделана мастерски, я долго рассматривал основание каждого кристалла, и увидеть подклейку не смог, может быть, пранили непосредственно в дружзе? Не знаю! Но тогда на видном месте стоял этот несчастный, осколочный, иначе назвать трудно, памятник бескультиурью. В те годы, когда я его осматривал, никакого объяснения безобразного вида образца не было; видимо, музейное начальство тогда, как принято говорить, имело те же нравственные качества, что и его предшественники.

В Музее Горного института много прекрасных образцов. Есть среди них уникальные, совершенно неповторимые. По числу представленных минералов и месторождений – это одно из крупнейших собраний такого рода. Современное руководство музея делает много, чтобы придать ему стиль, отвечающий науке сегодняшнего дня. Я много раз бывал здесь и позднее, но отделаться от воспоминаний о "полированной дружзе" не мог, это – символ Музея Горного института. Музей Горного института – более "кунсткамера", чем научно-исследовательское учреждение.

Минералогический музей Академии наук СССР в те годы занимал боковые здания за главным корпусом Академии наук, музейная экспозиция – второй этаж, тогда как на первом находились "кварцевые лаборатории" Шубникова и некоторые рабочие комнаты. Все старинное помещение АН за ее главным зданием имело П-образную форму. В свободном пространстве буквы П находилась высокое главное здание, около него и с той, и другой стороны проезды во двор, а в месте сочленения плеча и перекладины располагался круглый зал, уютановленный шкафами с книгами. Внизу в самом зале сидели библиотечарши и стояли столики для читателей. Вокруг зала проходили балкон, также заставленный шкафами. "Особо почетные" читатели имели право прямого доступа к книгам в шкафах на первом и втором этажах. Этим правом "особо почетных" читателей очень широко пользовались два "аспиранта" музея – Гаврусевич и Георгий Леммлейн. Если Леммлейн больше читал у себя, то Гаврусевича я не вспомню иначе, как сидящим на балконе второго этажа и читающим реферативный раздел английского минералогического журнала. В те годы рефераты и статьи печатались в одной книге, но с отдельной нумерацией страниц. У меня это вызывало всегда большую зависть; не столько, пожалуй, "почетное право", которого у меня не было, сколько их свобода обращения с книгами. Я разбирался в английском тексте тогда с очень большим трудом.

Музейные витрины были примерно те же, что и сейчас в музее на Ленинском проспекте в Москве, строгие, не крашенные, только полированные. Вся экспозиция, как и сейчас, распалась на две части: в первой – систематическая коллекция, а во второй, созданной А. Е. Ферсманом и В. И. Вернадским, была геохимическая экспозиция, где минералы располагались в "геохимическом порядке", по элементам. Видимо, создание этих геохимических коллекций предшествовало созданию "Очерков геохимии" В. И. Вернадского и многомоной "Геохимии" А. Е. Ферсмана; конечно, только расположив минералы в стройную систему, можно было прийти к геохимии.

Минералогический музей Академии наук тех лет я бы назвал "музеем начала века", тогда как музей Горного института был музеем конца XVIII века.

Душой музея в те годы был безусловно Владимир Ильич Кривжановский. Это был совершенно изумительный человек. В оглицие от В.И. Вернадского, который был "книжным минералогом", Вл. Ильич был "человеком камня".

Вскоре после моего приезда в Ленинград я начал постепенно готовиться к диплому. У меня никаких сомнений не было, что я буду писать университетскую дипломную работу по цеолитам Кавказа. Об этом я уже на третьем курсе поговорил с профессором кафедры минералогии университета С.М. Курбатовым, об этом же говорил и с А.Е. Ферсманом, который посоветовал пройти к Вл. Иван. Вернадскому и обсудить с ним свою тему. Вл. Иван. Принял меня очень любезно, долго слушал, а потом сказал: "Знаете, это все очень интересно, но я так сразу не могу все охватить, вы мне напишите все, что Вы рассказали, я продумаю и Вам сделаю свои замечания". Образцы, которые я ему показывал и которые всегда производили "очень хорошее" впечатление, оставили Вл. Иван. более или менее равнодушным, он оценил их красоту, но не восхитился. Тем не менее, не дав ничего ответа, Вл. Иван. рассказал, что следует прочесть, каким образом подойти к описанию, что мне потом очень помогло.

Совершенно иной подход был у Кривжановского. Книга для него значила мало. Вряд ли он глубоко вдумывался в химизм минерала, но минералы по виду знал прекрасно. Я ни разу не видел, чтобы Вл. Ильич не узнал бы минерал "с ходу", при этом он мог рассказать не только, что это за минерал, но и "откуда он родом" и какие другие минералы находятся в том же месторождении. Особенно много он рассказывал об уральских минералах. Здесь по виду образца он мог сказать не только о месте взятия, но и в какие примерно годы был добыт минерал.

Из минералогов более позднего времени таким "каменьщиком", прекрасно знавшим минералы по виду и их месторождения и умевшим копать в камнях, выискивать "рапитеты", был недавно скончавшийся Виктор Степанов, но между ним и Вл. Ильичем была очень большая разница – Вл. Ильич был музейным работником и в общем не любил "поля", Виктор же был "богом" и в поле, и в музее. Их обоих роднила любовь к книжной науке.

А.Е. Ферсман же везде поражал всех любовью и к книге, и к камню, и к музеям, но особенно изумительно было то, как он схватывал суть вещей. Экскурсировать в поле с А.Е. Ферсманом мне пришлось не очень много, но все-таки я с ним побродил по рудникам Урала и Кавказа. Обычно в экскурсии по руднику Ферсмана, кроме нас, его спутников, сопровождали местные геологи и рудничное начальство.

Все усиленно рассказывали А.Е. все, что знали, А.Е. смотрел, собирал камни мало, больше смотрел и постоянно: "Ну хорошо – пошли, пошли дальше!". И в конце, когда все осмотрено, если спутники ему нравились, сев где-нибудь в самом красивом месте, он говорил: "Ну а теперь послушайте, я вам расскажу об этом месте". И у нас "раскрывался рот" и "глаза". Удивительно, ведь мы все были вместе, все смотрели одно и то же, но мы ничего не видели, а он так замечательно и точно ухватил все и дает прогноз.

В Минералогическом музее постоянно бывали экскурсии школьников, по музею их, как я помню, часто водил сам Владимир Ильич. Вокруг него всегда были люди, особенно молодежь и школьники.

Третий музей тех лет, который я отнес бы к мировым музеям первого класса, был музей Геолкома, помещавшийся в знаменитом здании на Среднем проспекте Васильевского острова на самом верхнем этаже. В те годы это был совершенно замечательный музей, равного которому я не видел нигде в мире. Здесь не было особых редкостей, но была экспозиция месторождений. Каждая витрина была посвящена одному или нескольким соседним месторождениям. Основной экспозиции всегда являлись геологическая карта и зарисовки. Все образцы в витрине были точно привязаны к карте. Были представлены всевозможные породы. В необходимых случаях давались полный стратиграфический разрез и важнейшая фауна, определяющая возраст, затем – образцы, характеризующие само месторождение: типичные рудные и жильные минералы. Если месторождение скарновое, а я особенно внимательно рассматривал коллекцию по Дашкессану, собранную А.Н. Паффентгольцем, там были не только музейные образцы, но и фотографии шлифов, где были показаны структурные соотношения минералов. Сейчас на скарны смотрят иначе, чем в те времена, но подход этой витрины был безусловно верным. Вспоминаю я и целый ряд крупных образцов. В первую очередь должен быть отмечен огромный керн через все калийные пласты Соликамского месторождения, который был разложен вдоль стен музейного зала.

Уже во время моего пребывания в Ленинграде (до 1935 г.) музей Геолкома начал резко деградировать, из витрин начали исчезать геологические карты и они заменялись маловыразительными схемами. Начали исчезать и некоторые образцы, а, кроме того, из общедоступного музея этот музей превратился в ведомственное, труднодоступное учреждение. Я здесь совершенно не останавливался на уникальных образцах, бывших в музее Геолкома. Здесь были и отменные редкие минералы, добытые в месторождениях Союза в начале века, но главное богатство сводилось к уникальным палеонтологическим коллекциям Союза.

Важен дух музея, а этот дух был замечательным.

Вместе с организацией музея в Геолкоме было введено большее число очень умных мероприятий, дававших огромный народно-хозяйственный эффект. Позднее они, "как изишние", были отменены. Расскажу здесь об одном случае. Я сам не был его свидетелем, но многие из студентов нашего курса принимали в этом случае участие и с восторгом о нем рассказывали. В Геолкоме существовало правило, что после сдачи отчета по какой-либо работе отчитывающийся специалист должен был сдать в архив полевые дневники и в музей, в палеонтологический и стратиграфический отделы – стратиграфическую колонку с типовыми образцами и всей определенной фауной, с точной привязкой каждой окаменелости, в минералогический отдел – все сколько-нибудь различимые минералы, в отдел полезных ископаемых – типовую коллекцию полезных ископаемых с соответствующими карточками и зарисовками. Музейные работники, как правило весьма квалифицированные, рассматривали эти материалы, и только после этого разрешалось выкинуть собранную к данному отчету коллекцию, и отчет окончательно принимался.

Следует отметить, что это правило имело очень большое значение для повышения качества геологической работы. Что греха таить во время полевых работ всегда хочется посмотреть побольше, собрать больше и больше материала, и часто геолог делает это за счет точности и полноты записей в дневнике. Конечно, потом все полевые данные забываются и часто невозможно восстановить тот или иной факт, те или иные наблюдения. Требование сдачи дневников в архив и перепектива их проверки заставляли исследователя вести дневник гораздо аккуратнее. Знаю я исследователей, которые вели параллельно два дневника, один черновой непосредственно в маршруте, а другой цифровой, заполнявшийся в палатке по возвращению из маршрута. И это в целом было очень хорошо, поскольку вечером продумывается весь маршрут и все неясные вопросы.

В Академии наук были подобные же требования, и я переписывал свой маршрут в том же дневнике, но вперемишку с полевыми заметками. В Геолкоме, если тот или иной геолог работал много лет в одном регионе, то в его кабинете над столом находилась полочка с дневниками, причем старые дневники несли отметки архивов и его суручные печати, они числились за архивом и были только "временно" переданы в пользование автору дневника.

Итак, в 20-х годах геолог Волков, если мне не изменяет память, вернулся с полевых работ и сдал окончательный отчет (за некоторый этап) по работам в Прикаспийской котловине, немного восточнее р. Урал. Сдача дневников и каменного материала у него прошла нормально. Нужно было еще сдать минералогическую коллекцию. Как

говорили, минералогом музея в те годы была супруга А. К. Болдырева – хороший знаток минералов. Волков пошел к минералогу, не взяв с собой ни одного образца:

– Стоит ли приносить Вам мой хлам? У меня только гипс, правда иногда он образует довольно красивые кристаллы, но кому он нужен? – Ну, все-таки принесите. Хорошие кристаллы гипса бывают иногда интересными.

Делать нечего, пришлось нести. Как только Болдырева взглянула на образец и кристаллы, то сразу увидела, что они ничего общего с гипсом не имеют, здесь оказались и явные редчайшие бораты и совершенно новые, не известные науке, тоже борные минералы.

Время в те годы было крайне трудным, окружение капиталистических стран пыталось придумать нашу страну многочисленными эмбарго. Так был полностью запрещен ввоз к нам всех абразивов многих металлов и в том числе – иода и борных соединений. Страна и госпитали, в особенности, задыхались от отсутствия борной кислоты.

Товарищи рассказывали, что еще не прошло и недели после приемы отчета, как Волков уже в составе новой партии геологов и разведчиков, которым было поручено организовать опытную добычу, ехал вновь в Прикаспий за крайне нужными стране борными минералами.

Я не знаю, кого в этом случае считать открывателем месторождения – полевика Волкова, или "музейную крысу" – минералог Болдыреву, увидевшую камень только в коллекции. Думаю, что главную заслугу имеет умное правило приемки отчетов, бытовавшее в Геолкоме. Уже один этот случай экономически оправдал все существование и Геолкома, и музея на много десятилетий вперед.

Уже к тридцатым годам эти "глухие проверки" камня и дневников были отменены, как в Геолкоме, так и в Академии наук: – "Кому охота возиться со старым барахлом – трудно читаемым дневником или заплылными камнями, какое это имеет значение?" Гораздо важнее проследить, не заплатил ли в поле геолог проводнику, указывавшему дорогу и сэкономившему 5–10 дней работы экспедиции на 10–50 коп. более установленной нормы. Норма есть норма! И лишний бухгалтер, дотошно проверяющий отчет, важнее, чем минералог, просматривающий камень.

Остальные музеи были меньшей значимости. Геологический музей Академии наук, хотя и исполнял в 20–30-е годы очень большую роль, но судьба его была печальна, его несколько раз прикрывали. Он пытался воскреснуть на новом и сохранившемся материале, но его вновь закрывали, и специальным приказом все материалы подлежало упаковывать в ящики, которые свозились "на склад", откуда автоматически, через некоторое время, отправлялись на свалку. У геологического музея, располагавшегося на первом этаже здания биржевых

Музей ВИМСа мне посчастливилось осмотреть в самый первый проезд из Тбилиси в Ленинград, больше его увидеть не пришлось. Музей был закрыт, экспонаты запечатаны в ящики и, как можно полгать, пропали, а двухцветный зал заняли канцелярские комнаты. Раньше в одном из закутков передланного зала помещалась редакция журнала "Минеральное сырье", где мне приходилось бывать, а в более позднее время я там не бывал.

Говоря о музеях нельзя не сказать еще о том, что в 20-х годах вокруг каждого музея формировался актив из студентов и школьников. Рассказанное выше уже говорит о том, что во всех музеях школьников и студентов встречали с распростертыми объятиями иезде они находили ответ на те вопросы, которые их беспокоили.

Уже после переезда в Москву вокруг Минералогического музея Академии наук во времена А. Е. Ферсмана и В. И. Крыжановского в музее был актив школьников, из которого вышел большой отряд хороших специалистов.

Недавно я встретил одну из старых сотрудниц музея и посетовал на то, что сейчас ходить в музей не хочется (Я, отдавший этому музею много сил и любви, в современных условиях приходил в музей только на похороны акад. Ф. В. Чухрова, а до этого печального случая я не был в музее уже больше 5-6 лет). Я с огорчением сказал, что музей потерял свою привлекательность; у музея сейчас нет даже актива школьников.

— Что Вы, что Вы, — замахала она на меня руками — школьники это такой ужас, они лезут всюду, роются в мусоре, ломаются в двери, заглядывают в окна, они могут все разнести.

Не знаю, большой ли ужас то, что школьник заглядывает в дверь музея или в окно. У Ферсмана и Крыжановского для таких школьников всегда было теплое слово и в кармане какой-либо дешевый минеральчик. Эти "настырные" лазатели в окно — самый ценный человеческий материал. Именно из таких, стремящихся пролезть в окно, школьников приходится брать самые крупные ученые.

Наверное, если бы в 1922 г. не было бы Виктора Амбарцумяна — школьника 2-го класса химического техникума (нынешний 8-й класс школы), "13-летнего астронома", который мог прочесть в рабочем клубе публичную лекцию "Теория относительности Эйнштейна", то в 60-80-х годах не было бы гордости советской астрономии, академике с мировым именем, Виктора Амбарцумяна.

Мне кажется "ужасом" то, что у входа в музей Академии наук стоит днем миллионер и то, что в музее есть сотрудники, такие, как та моя собеседница, которая боится школьников.

"Ужас" и то, что на научных заседаниях Академии наук и ее институтов практически нет ни школьников, ни студентов. Это говорит

о том, что у нас еще долго не будет настоящих ученых. Человек, начавший научную деятельность в 25-39 лет, не делается крупным ученым вообще или станет им к 50-60 годам, когда надо уже уходить на пенсию.

О первых годах жизни в Ленинграде и о моих друзьях

После того как мы, "Кавказская тройца", вполне утвердились в университете, возник вопрос о жилье. Надо сказать, что в конце 20-х годов проблема жилья в Ленинграде не была особенно острой. Город перестал быть столицей, из него уехало довольно много народа, и многие ленинградские жители жили достаточно свободно. Почти все ленинградские дома отапливались дровами, достать же дрова было трудно и стоили они очень дорого. Поэтому многие стремились освободиться от лишней площади. Мне удалось сначала подселиться к некоему бывшему крупному чиновнику, который сдал мне огромную проходную комнату размером метров 30-40. Где работал этот чиновник, я не знаю. Вспоминаю те времена, я думаю, что сдача комнат в наем была главным источником его мирских благ. Вся его квартира состояла из трех проходных комнат и кухни. В кухне жила его старшая домработница, которая за небольшую плату готовила и стирала мне белье. Себе этот чиновник отгородил во второй, еще большей, чем моя, комнате роялем и шкафом небольшой закуток. Остальную же площадь этой комнаты и первую комнату он сдавал под какую-то контору. Если я приходил домой днем в будни, то приходилось проходить мимо большого числа столов, за которыми что-то писали и считали. Имущество мое ограничивалось полевой раскладушкой, чемоданчиком с камнями и книгами. Кроме того, хозяин квартиры дал мне в пользование один поломанный стул и конторку, на которой можно было стоя писать. При "приложении некоторого усилия" на этой же конторке можно было и обедать, правда, тарелку с супом или стакан чая надо было держать в руках на весу.

Только примерно через год мне удалось найти на Васильевском острове маленькую, метров на шесть, комнатушку. Хозяин ее, бывший крупный художник, а тогда — учитель рисования в школе, за небольшую плату предоставил мне развалюху-кроватку, письменный стол и шкаф для одежды. Я блаженствовал. Квартира располагалась на седьмом этаже, состояла из кухни-прихожей (выходившей на "черный ход"), такой же, как у меня, но несколько большей, комнаты, где жили хозяйка, огромной мастерской, завешанной картинами. Стены в мастерской и частично потолок были стеклянными. Все это связывал